

УДК 821.161.1-32

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ Е.П. БЛАВАТСКОЙ
В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

**FANTASY TALES BY E.P. BLAVATSKY
IN VIEW OF PSYCHOANALYSIS**

**Сильвия Каминьска-Мацёнг
Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша**

**Sylwia Kaminska-Maciag
University of Wroclaw, Wroclaw, Poland**

Аннотация

Данная статья — это попытка показать, что произведения русской спиритуалистки являются интересными не только для последователей теософии, но также для историков литературы. Психологический портрет героев «Кошмарных рассказов», основанный на теории архетипов К.Г. Юнга, позволяет заметить в них не только общечеловеческие ценности, но может показать еще новый, свежий взгляд на популярные мотивы в русской литературе XIX в.

Ключевые слова: фантастика, психоанализ, литература XIX в., эзотеризм, архетип.

Abstract

Elena Petrovna Blavatsky is a world-famous occultist, medium, founder of theosophy. Doubtlessly she is a prominent and popular research object. Many researchers have given prominence to her eccentric personality. With all the unclear facts about her life, she is best known as the founder of the Theosophical society which still brings together fervent followers of the Theosophical theory.

This paper aims to support the idea that her works are relevant for both theosophy followers and researchers in the field of literature history. The study presented in this paper focuses on “Nightmare Tales” published in 1892. This is a collection of short stories including “Karmic Visions”, “A Bewitched Life”, “Can the Double Murder?”, “Unsolved Mystery”, “The Luminous Shield”, “The Cave of the Echoes”, “A Strange but True Story”, “From the Polar Lands”, “The Ensouled Violin”, “The Silent Brother and The Legend of the Blue Lotus”. Before being published as a part of one book in 1892

(a year after the novelist's death), these short stories appeared at intervals in popular theosophical journals in the English and Russian languages including "The Theosophist" and "The Sun" in English and "The Rebus" in Russian.

The research is based on the psychoanalysis method. Relying on Karl Jung's archetype theory we drafted psychological portraits of *Nightmare Tales* protagonists to reveal universal human values as well as a novel vision of popular motives in the 20th century Russian literature. We believe that interpreting E.P. Blavatsky's short stories through psychoanalysis, specifically those which are based on Jungian analytical psychology, will find appeal with historians of literature.

By establishing links between Jung psychology and E.P. Blavatsky's theosophical theories, we identify Jungian archetypes in her fantastic tales. This approach is certain to offer a broader perspective on E.P. Blavatsky's short stories and to establish links with eternal and universal values. *Nightmare Tales* has never been popular with fantasy lovers of the 19th century mainly because they were viewed as campaigning for the Theosophical society. Yet they can carry a deeper message relating to symbolic elements embedded in human psyche.

Key words: fantasy literature, psychoanalysis, 19th century literature, Esotericism, archetype.

Введение. Елена Петровна Блаватская (1831–1891), известная во всем мире оккультистка, спиритуалистический посредник, инициатор теории теософии, безусловно, является фигурой яркой и интересной. Ее «удивительное» противоречивое изображение в литературных, но прежде всего исторических, работах создано, несомненно, на основе выбранных биографических фактов [De Camp: 387–418; Klimowicz: 12–17]. Многие исследователи описывали ее как эксцентрика. Однако несмотря на все неясные биографические факты читателям эзотерической литературы русская писательница известна прежде всего как творец созданного в 1875 г. Теософского Общества — организации, которая все еще собирает сторонников концепции теософии. В ее основе лежит идея — «<...> способствовать формированию Всеобщего Братства без каких-либо различий, подразумеваемая под этим единство жизни во всем многообразии форм как человеческих, так и нечеловеческих» [Теософское Общество в России].

Вскоре после основания общества Блаватская написала свои самые популярные произведения: «Разоблачённую Изиду» ("Isis Unveiled", 1877), «Тайную доктрину» ("The Secret

Doctrine”, 1888) и «Ключ к теософии» (“The Key to Theosophy”, 1889), — книги, направленные на распространение мистических знаний, скрытых в религиях Востока. «Истины эти, ни в коем случае, не выдаются за откровение, также автор не претендует на положение разоблачителя мистического знания, впервые в истории “разоблаченного”. Ибо то, что заключается в этом труде, можно найти разбросанным в тысячах томов, вмещающих Писания великих Азиатских и ранних Европейских религий, сокрытых в глифах и символах и, в силу этого покров, до сих пор оставленных без внимания» [Блаватская. Тайная доктрина], — писала Блаватская во вступлении к «Тайной доктрине». При этом следует подчеркнуть, что именно это произведение признано исследователями «<...> центральным для всего европейского оккультизма и достаточно хорошо известным по русским частичным переводам самому широкому кругу читателей» [Богомолов: 267]. Важно, что некоторые другие работы писательницы, такие как «Голос Безмолвия» (или «Голос тишины», “The Voice of the Silence”, 1889), включают в себя только переведенные трактаты, которые она имела возможность выучить наизусть, как сама утверждала, во время одной из своих многочисленных поездок в восточный источник знаний (Блаватская вспоминает об этом, например, во введении к вышеупомянутому произведению. Можно еще добавить, что ее пребывание в Индии и многочисленные поездки на Восток не являются биографической тайной). В связи с этим можем заметить, что ее единственная, полностью независимая и оригинальная, работа в виде сборника фантастических рассказов до сих пор не вызвала большого интереса у читателей русской литературы XIX в.

Материалом исследования в этой статье являются «Кошмарные рассказы» (“Nightmare Tales”, 1892). На сайте Теософского Общества данные рассказы приводятся «<...> в переводе с английского, так как вопрос существования их на русском языке в том же объёме остается неясным» [Теософское Общество]. Сборник Блаватской — это, в свою очередь, «Кармические видения» (“Karmic Visions”), «Заколдованная жизнь. Со слов Гусиного Пера» (“A Bewitched Life”), «Может ли двойник убить?» (“Can the Double Murder?”), «Неразгаданная тайна» (“Unsolved Mystery”), «Сияющий щит» (“The Luminous Shield”), «Пещера Эхо. Странная, но правдивая история» (“The Cave of the Echoes. A Strange but True Story”), «Из полярного края. Рождественская история» (“From the Polar Lands”),

«Ожившая скрипка» (“The Ensouled Violin”), «Молчаливый Брат» и «Легенда о Голубом Лотосе» (“The Legend of the Blue Lotus”). Все эти рассказы, прежде чем они были опубликованы вместе в 1892 г. (т. е. спустя год после смерти писательницы), периодически печатались в популярных теософских журналах на английском и русском языках (на английском, например, в “The Theosophist”, “The Sun”, на русском — в «Ребусе»). Впервые эта своего рода коллекция, понимаемая как десять независимых историй, была опубликована благодаря Theosophical Publishing Society, организации действующей в Лондоне, Нью-Йорке и Ченнаи (Мадрасе). Сегодня все истории можно найти прежде всего на теософских сайтах: оцифрованное издание “Nightmare Tales” 1892 г. [Blavatsky 1892], истории Блаватской на английском языке [Blavatsky. Nightmare Tales], текст на русском языке доступен только в Интернете [Блаватская. Кошмарные рассказы], польского перевода, к сожалению, нет.

Целью данной статьи является попытка доказать, что произведение российской спиритуалистки являются интересными не только для последователей теософии, но также для историков литературы, а также продемонстрировать, что психологический портрет героев «Кошмарных рассказов», основанный на теории архетипов К.Г. Юнга, позволяет привлекательно расширить способ их толкования.

Методология. Психоанализ как научный метод исследования литературы, несомненно, является важным элементом толкования произведений, прежде всего из-за разнообразия его форм. Герменевтический аспект психоанализа позволяет относиться к литературному творчеству как к симптоматической структуре. Этот факт можно объяснить тем, что скрытый психологический смысл должен остаться именно в тексте. Исследователь раскрывает его с помощью методов аналитической психологии. Стоит также подчеркнуть роль фантастической литературы для такого типа исследований. Суть аналитической психологии (как одной из форм психоанализа) в интерпретации текстов заключается в предположении, что такое произведение отходит от психологических тенденций, а его невероятность и иррациональность скрывают гораздо больше смысла, чем другие жанры [Юнг]. Таким образом, толкование фантастических рассказов Блаватской, которые не отличаются по своей форме и содержанию от стандартов эпохи, с психоаналитической точки зрения может открыть дополнительные перспективы.

Мотивируя выбор такого ключа толкования, стоит еще обратить внимание на то, что «термины аналитической психологии Юнга не являются объяснительными. Это скорее названия повторяющихся форм опыта. Если бы это было возможно, Юнг использовал имена, под которыми эти события всегда были известны» [Wulff: 363] (перевод наш. — С.К.). Таким образом, употребляемые нами термины глубинной психологии, определяющие архетипы (например: Тень, Анима и Анимус, Мать или Мудрец), не придуманы Юнгом. Однако благодаря ему они формировались как элементы процесса психического развития человека, объясняющие жизнь человека как стремление к полной реализации «Я». Таким образом, присматриваясь к различным состояниям и развитию личности у героев Блаватской, можно выйти на вопросы, касающиеся не только теософии, но и психологии.

Основная часть. Подчеркнем еще раз, что «Кошмарные рассказы» — это десять независимых историй. Однако трудно удержаться от впечатления, что они сливаются в семантическое целое. В заключающем сборник рассказе Блаватская даже указывает не только на «<...> предстоящий критический момент космической эволюции, относящийся ко всей западной цивилизации, которая наконец достигла готовности к переходу на более высокий уровень развития, но также подчеркивает роль теософии как источника духовного импульса, который инициирует это преобразование» [Rzeczycka: 181] (перевод наш. — С.К.). Именно эта формулировка, утверждающая, что духовная трансформация человека состоит из отдельных этапов стремления к более высокому уровню, перехода, описанного почти во всех рассказах русской оккультистики, подтверждает наш выбор аналитической психологии для интерпретации произведений Блаватской. Механизмы развития личности, связанные с духовной жизнью героев, отражаются в психологии К.Г. Юнга, более конкретно — в описанном им архетипическом процессе становления личности — индивидуации. Поиск точек соприкосновения мистического посвящения, описанного Блаватской, и теории развития личности Юнга представляется перспективной концепцией чтения этого произведения.

Следует, конечно, отметить, что многие исследователи видят различные аспекты сходства между теософской доктриной и идеями, основанными на глубинной психологии. Например, по мнению Ричарда Нолла, одного из критиков Юнга,

психоаналитические дефиниции швейцарского психолога наполнены идеями теософии Блаватской, хотя бы в области проблем, связанных с религией [Noll]. Такое мнение, подчеркивающее совпадение теорий двух мыслителей, легко можно найти среди психологических и культурологических работ, например, в статье Антона Дэниелса под чрезвычайно интересным названием “Carl Jung: the Madame Blavatsky of psychotherapy” [Daniels]. Конечно, существует и другой взгляд, например, Карлоса Авелайна в статье “Jung Writes Against Theosophy. The German-Speaking Thinker Did Not Believe in Ethics or Eastern Wisdom” [Aveline]. Этот факт, несомненно, делает попытку интерпретировать «Кошмарные рассказы» с психоаналитической точки зрения более привлекательной.

После прочтения всех фантастических рассказов Блаватской становится ясно, что в каждый из них автор включает какой-то элемент науки из «Теософического ключа» или «Тайной доктрины». Интересное объяснение такого события дает польская исследовательница эзотерической прозы Серебряного века Моника Жечицка. Ученый точно формулирует назначение «необыкновенного» сборника русской писательницы: «Преобладание образовательной функции рассказов Блаватской не вызывает сомнений. Главным аргументом является наличие более или менее секретных комментариев, вплетенных в тексты всех историй, в которых автор, как правило, голос инициированного рассказчика (от первого лица или менее частого третьего лица) объясняет оккультные концепции и идеи» [Rzeczycka: 159] (перевод наш. — С.К.). Жечицка называет рассказы «дидактической эзотерической прозой», и с таким определением трудно не согласиться. Совмещение теорий, описанных Блаватской в ее теософских книгах, в коротких, доступных «обычному» читателю рассказах, на самом деле является своего рода воплощением их в реальность повседневной жизни. Надо подчеркнуть, что в основе каждого рассказа лежит прецедент сообщения услышанной истории, имевшей место в реальном мире.

Однако цель автора — воспитание в области теософии и тайных восточных искусств шаманизма и медиумизма не только адептов этой науки, но и «обычного» общества — не мешает его попытке показать, что тут есть и глубокий смысл. Например, интересно, что в основе большинства историй этого цикла лежит понятие прямой конфронтации двух разных парадигм. Первую из них можем описать как западную, связан-

ную с «точной наукой» и с такой моделью реальности, которая является наследством философии Эпохи Просвещения. Вторая парадигма — это мысль, ориентированная на очень широко понимаемую традицию ориентализма [Rzeczycka: 160]. Разные экстрасенсорные способности, описанные мистические ритуалы и эзотерические, таинственные знания героев Блаватской — это те артефакты, которые позволяют им быть как-то «выше» других, преобладать над людьми «обыкновенными», точнее, не затронутыми восточным искусством медитации. Именно в этих событиях попробуем найти интересующие нас варианты архетипов Юнга.

Первая история из серии под названием «Кармические видения» — очевидная попытка показать весь сложный процесс теософского самопознания. Здесь описаны одиннадцать заглавных видений, связанных с мотивом «кармы». «Карма» — «<...> по учению буддистов — посмертное воздаяние за земную деятельность человека, состоящее для грешников в перевоплощении, а для праведных — “в блаженном небытии”, нирване» [Толковый словарь русского языка]. События автор описывает как документальное подтверждение посмертного перехода одного духа в следующие тела согласно закону реинкарнации: «И среди миллионов других Душ перерождается та самая Душа-Эго: для радости или для страданий, кто знает?! Пленница своей новой человеческой **Формы**, она растет вместе с нею, пока обе они наконец не узнают о существовании друг друга» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. Таким способом подчеркивает Блаватская теософскую концепцию космического развития, в котором человек (и, конечно же, все другие живые существа) подвергаются «<...> постепенной трансформации на пути к божественной полноте и единству» [Rzeczycka: 163]. Связи между этим процессом и юнгианской индивидуацией очевидны. Психический процесс, описанный Юнгом, — это становление личности, осознание как части развития Самости. Герой Блаватской — автор указывает не на лицо, а просто на Душу-Эго и ее **Форму** — переживает одну жизнь, имея власть, во второй держит оружие и принимает участие в войне, в другой раз тяжело болеет и снова умирает. Каждый опыт приближает его к какой-то истине: «Подвешенная между двумя вечностями, тоскующая вдали от родины и одинокая в окружении врачей и прислуги, **Форма** с каждым днем становилась все ближе к своему Духу-Душе» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. Такое соединение может соответство-

вать достижению полноты внутреннего «Я», о чем убеждал Юнг. Мы можем заметить в рассказе своеобразную презентацию процесса индивидуации, т. е. последовательного перехода от бессознательного к сознательному в психике человека следующих архетипов: Тени (осознание жестокости, в которой он принимает участие, — «Теперь ему видятся миллионы штыков, с лязгом сталкивающихся в дыму и крови, тысячи изувеченных трупов, усеявших землю, истерзанных и разорванных на куски смертоносным оружием, порожденным наукой и цивилизацией и освященным служителями Бога этой цивилизации, благословившими это страшное кровопролитие» [Блаватская. Кошмарные рассказы]) и Мудреца (переход на более высокий уровень знаний — «Затем Душа видит себя уже в Северном Мире Туманов; проникает под видом храброго лучника в Хельхейм, Царство Мертвых, где темный эльф рассказывает ей о прошлых ее жизнях и их мистической взаимосвязи. “Почему человек страдает?” — спрашивает Душа-Эго» [Блаватская. Кошмарные рассказы]).

Надо сказать, что значение имеет также то, каким способом Блаватская соединяет видения реинкарнации в одну цепочку причин и следствий. История заканчивается моментом пробуждения главного героя от сна. Сновидения в архетипической теории Юнга играют важную интерпретационную роль. Следует упомянуть, что, согласно психологу, именно благодаря механизму «проекции» архетип может проявляться как фантазмагорическое изображение, которое является эффектом сна, бреда, фантазий или иллюзий. С точки зрения Юнга, архетипы мы можем заметить в виде проекции на другого человека, объект, живое существо и т. д., познание которых означает моральное достижение [Юнг].

Вторая история из серии «Заколдованная жизнь. Со слов Гусиного Пера» на русском языке появилась в журнале «Ребус» в 1891 г., т. е. еще перед публикацией «Кошмарных рассказов» в целом. Интересен и тот факт, что она была напечатана с подзаголовком «Рассказы Рада-Бай», намекающим на то, что и на этом языке история могла быть написанной самой Блаватской, т. к. существует мнение, что писательница иногда пользовалась своим родным языком и тогда публиковала произведения под этим псевдонимом [Dębicki].

«Заколдованная жизнь» состоит из введения и восьми частей. После прочтения этой истории трудно удержаться от впечатления, что из всех «Кошмарных рассказов» она наиболее

похожа на готический роман со своей атмосферой напряженности, таинственными событиями, вездесущими сумасшествием и смертью. В рассказе представлены три истории, объединенные мотивом внетелесного переживания. В первой замечаем мотив странного сновидения, вызванного болезнью и связанного с выходом души из тела, а также мотивы ясновидения и «яснослуха» — все это переживает рассказчик, наверное, *porte-parole* Блаватской.

С точки зрения аналитической психологии сон героини-писательницы имеет внутренний смысл. Юнг утверждал, что человек «<...> продуцирует символы спонтанно и бессознательно в форме снов» [Юнг]. Во сне женщины-рассказчика находим изображение процесса индивидуации и даже его неудачу. К теме путешествия во времени и отделения души от тела Блаватская добавляет здесь персонажа — ученика. Это рационалист и атеист с типичным европейским образованием, черты характера которого раскрывают его психические проблемы и односторонне направленный тип личности: «Я никогда не верил и никогда не поверю в Верховное Существо» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. По нашему мнению, в его внетелесных приключениях отображаются все этапы индивидуации. Именно неверие героя подсказывает нам, что он нуждается в развитии своего «Я». Юнг убеждал, что взгляд на мир типа «живу только для себя» приводит к духовной гордости [Юнг]. И, по мнению автора, все психические заболевания героя вызваны непослушанием и неверием в сверхъестественное. Появление героя-мастера, личности посвященной — мага, хорошо иллюстрирует архетип Мудреца, что соответствует следующему этапу индивидуации, которая, по Юнгу, является потребностью каждого человека, что совпадает с представленным в рассказе тезисом: «— Мы не можем, — парадоксально заявил он однажды, — надеяться на жизнь после смерти и наслаждение полной сознания, если не построим для этого прочный и надежный фундамент духовности до нашей смерти... Нет, не смейтесь, друг мой, ни во что не верящий, — умолял он меня, — лучше подумайте, поразмыслите над этим. Тот, кто никогда не учился жить в Духе в его сознательной жизни, полной ответственности, вряд ли может надеяться на то, что ему удастся насладиться жизнью после смерти, когда он, лишенный тела, останется целиком в состоянии Духа» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. В свете психоаналитической перспективы можно заметить, что причиной всех затрагивающих

героя трагедий является неудача в юнгианском процессе развития личности, что демонстрирует, например, мотив одержимости героя злым демоном, напоминающим архетип Тени.

Еще одна история в сборнике под таинственным названием «Может ли двойник убить?» должна заинтересовать исследователя литературы не только из-за включенного в сюжет мотива, основанного на реальных событиях (убийство сербского принца Михаила Обреновича в 1868 г.), но прежде всего из-за присутствия главных, женских ролей в ходе событий рассказа. Стоит отметить, что в русской фантастике XIX в. женские фигуры обычно возникали на заднем плане и являлись только фоном для необычных приключений мужских персонажей. В рассказе Блаватской замечаем не только — опять — женщину-рассказчика, свидетеля всех событий, но и двух героинь. Первой из них является молодая Фрося — цыганка, обладающая «даром»: «У неё было прозвище “спящая девочка”, ибо говорили, что ей свойственна способность, где бы она ни была, явно погружаться в забытие и вслух проговаривать свои сны» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. Как мы уже подчеркивали, сон в теории Юнга играет первостепенную роль. Фрося, будучи «объектом» в руках месмеризатора и таинственной пожилой дамы, госпожи П., становится орудием преступления. В своем сне девочка совершает акт мести, но не вполне сознательно: «— Что же эта старая ведьма велела тебе? — грубо спросил он. — Найти их... которые убили... убить их... я сделала так... их больше нет... Отмщены! Отмщены! Они...» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. В перспективе аналитической психологии надо здесь обратить внимание на термин «маняличности». Мана обозначает таинственную силу (и хорошую, и плохую), которая позволяет влиять на других. По-нашему мнению, мана-личностью в рассказе является госпожа П. Ее задача — раскрыть перед человеком все, что еще осталось в его бессознательном. Однако во сне молодая женщина теряет контакт со своим внутренним «я», позволяет госпоже П. сделать что-то «своими руками», не отличает себя от мана-личности.

«В сновидениях мы распознаем признаки, характеризующие не только ситуацию рассказчика на данный момент времени, но и прогресс (или отсутствие такового) в аналитическом процессе» [Якоби]. В окончании рассказа автор дает нам информацию о том, что три дня после «сна» Фроси распространяется сообщение о таинственной смерти двух мужчин от «ударов и порезов холодным оружием, но без нарушения

кожных покровов» [Блаватская. Кошмарные рассказы]. Такой ход событий можно рассматривать как неуспешное окончание процесса развития личности девочки, сознанием которой вполне овладела мана-личность, в терминах теории Юнга.

Психоаналитической интерпретационной процедурой можем объяснить пятую историю «Сияющий диск». Рассказ привлекает внимание основой сюжета и мотивом поиска потерянной собаки с помощью женщины-медиума. Темы этого типа, основанные на идее изучения, исследования, даже преследования и разных способов достижения желаемой цели, четко направляют наше внимание на юнгианскую идею необходимости развития психической личности человека. В центре сюжета оказываются две женщины, по характеру соответствующие ролям ученик — мастер. Попытки найти любимца ведут рассказчика к месту пребывания мистиков, среди которых есть карлица Татмос, «Оракул Дамаска», которая, входя в транс, находит собаку. Женщина создает своего рода проекцию города, которая возникает в результате трансформации сияющей звезды на ее лбу в диск. Сквозь призму психоаналитических исследований становится ясно, что это успешный вариант истории из «Заколдованной жизни», где каждый, кто подчиняется «высшим силам» (или пытается узнать свое бессознательное), достигнет полноты своей личности. Важным является то, что успешно завершит этот процесс не мужчина, а женщина.

Однако, чтобы показать разнообразие историй Блаватской, стоит упомянуть еще два рассказа — «Пещера Эхо» и «Ожившая скрипка». Первый из них, опубликованный с примечанием «Странная, но правдивая история», — триллер, сюжет которого основан на мотиве поиска (при помощи мистических восточных ритуалов) таинственного убийцы. Галерея персонажей, появившихся в истории (убитый богатый мужчина — «глава семьи», его жадный племянник, таинственный немецкий учитель игры на цитре и его прекрасная дочь, чрезвычайно похожий на своего дядю молодой мальчик, венгерский маг и его нубийский слуга-шаман), создает множество возможностей для интерпретации, особенно в свете разговора об архетипическом.

«Ожившая скрипка» — история гениального молодого музыканта, который для славы и популярности готов был играть на инструменте, струны которого были сделаны из внутренних органов его учителя. Психоанализ личности Франца Стенио позволяет интерпретировать его талант как невротический эф-

фект проблем с бессознательным архетипом Тени. Гений же обозначает не что иное, как духовный процесс и окончание его успехов, т. к. благодаря индивидуации, по мнению Юнга, человек достигает внутреннего многообразия. Но герой Блаватской прерывает этот процесс, когда его желанием становится не саморазвитие, а победа над другим музыкантом. Следующие события мы можем интерпретировать как «регрессию» личности героя. «Регрессивные движения возникают тогда, когда неспособность к осознанной адаптации и проистекающие отсюда процессы интенсификации или подавления бессознательного приводят к одностороннему накоплению энергии, вследствие чего содержание бессознательного, получив слишком большой энергетический заряд, вырывается на поверхность. <...> при полной регрессии сознание оказывается совершенно “затоплено” содержимым бессознательного, что означает возникновение психоза» [Якоби]. В связи с этим не удивителен тот факт, что в конце истории Франц Стенио был найден мертвым. Это типичное окончание для рассказа, задачей которого было не только развлечение читателя, но и его обучение.

Выводы. Подводя итог сказанному, отметим, что толкование рассказов Блаватской с помощью психоаналитических инструментов, особенно тех, которые относятся к области юнгианской аналитической психологии, должно привлечь внимание историков литературы. «Кошмарные рассказы», не получив среди читателей фантастической литературы XIX в. почетного места в списках чтения, главным образом из-за того, что их автор использовал свой писательский талант исключительно в пропагандистских целях, как рекламу Теософского Общества, могут содержать элементы гораздо более глубокие, символические, ориентированные на сферу человеческой психики.

Литература

Блаватская Е. Тайная доктрина. Т. I: Космогенезис URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=6572>.

Блаватская Е.П. Кошмарные рассказы. Из серии “Nightmare Tales” URL: <http://www.theosophy.ru/lib/hpbtale.htm>.

Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 550 с.

Теософское Общество в России URL: http://ts-russia.org/info/Заглавная_страница.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова
URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/831630>.

Юнг К.Г. Архетип и символ. Москва: Ренессанс, 1991. 300 с.
URL: <http://pedlib.ru/Books/6/0047/index.shtml>.

Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга URL: <https://www.psyoffice.ru/page,3,3521-jakobi-iolanda.-psikhologicheskoe-uchenie-k.g.html>.

Aveline C.C. Jung Writes Against Theosophy. The German-Speaking Thinker Did Not Believe in Ethics or Eastern Wisdom
URL: <http://www.esoteric-philosophy.com/2014/06/jung-writes-against-theosophy.html>.

Blavatsky H.P. Isis Unveiled: A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Theology URL: <http://www.theosociety.org/pasadena/isis/iu-hp.htm>.

Blavatsky H.P. Nightmare Tales. London: Theosophical Publishing Society, 1892. 147 p. URL: http://blavatskyarchives.com/theosophypdfs/blavatsky_nightmare_tales_1892.pdf.

Blavatsky H.P. Nightmare Tales URL: <http://www.theosociety.org/pasadena/nightmar/night-hp.htm>.

Daniels A. Carl Jung: the Madame Blavatsky of psychotherapy // The New Criterion. 2003. Vol. 22. No. 3. November. P. 23 URL: <http://www.newcriterion.com/articles.cfm/Carl-Jung--the-Madame-Blavatsky-of-psychotherapy-1649>.

De Camp L.S., De Camp C.C. Duchy, gwiazdy, czary / Przeł. W. Niepokólczycka. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 515 s.

Dębicki W.M. Paryski kongres spirytystów w r. 1889. Sekty. Olcott. Helena Bławacka. Krytyka spirytyzmu URL: http://www.ultramontes.pl/wielkie_bankructwo_ii_4.htm.

Klimowicz T. Poszukujący, nawiedzeni, opętani. Z dziejów spirytyzmu i okultyzmu w literaturze rosyjskiej. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1992. 114 s.

Noll R. The Jung Cult. Origins of a Charismatic Movement. Princeton New Jersey: Princeton University Press, 1994. 387 p.

Rzeczycka M. Wtajemniczenie. Ezoteryczna proza rosyjska końca XIX – początku XX wieku. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010. 506 s.

Słownik terminów literackich. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo, 2000. 706 s.

Teorie literatury XX wieku: podręcznik. Kraków: Znak, 2006. 596 s.

Wulff D.M. Psychologia religii / Przeł. P. Jabłoński. Warszawa: WSiP 1999. 640 s.

References

Blavatskaya E. Tajnaya doktrina. T. I: Kosmogenezis URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=6572>.

Blavatskaya E.P. Kashmarnye rassказы. Iz serii "Nightmare Tales" URL: <http://www.theosophy.ru/lib/hpbtales.htm>.

Bogomolov N.A. Russkaya literatura nachala XX veka i okkul'tizm. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 550 s.

Yung K.G. Arkhetip i simvol. Moskva: Renessans, 1991. 300 s. URL: <http://pedlib.ru/Books/6/0047/index.shtml>.

Teosofskoe Obshestvo v Rossii URL: http://ts-russia.org/info/Zaglavnaya_stranitsa.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/831630>.

Aveline C.C. Jung Writes Against Theosophy. The German-Speaking Thinker Did Not Believe in Ethics or Eastern Wisdom URL: <http://www.esoteric-philosophy.com/2014/06/jung-writes-against-theosophy.html>.

Blavatsky H.P. Isis Unveiled: A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Theology URL: <http://www.theosociety.org/pasadena/isis/iu-hp.htm>.

Blavatsky H.P. Nightmare Tales. London: Theosophical Publishing Society, 1892. 147 p. URL: http://blavatskyarchives.com/theosophypdfs/blavatsky_nightmare_tales_1892.pdf.

Blavatsky H.P. Nightmare Tales URL: <http://www.theosociety.org/pasadena/nightmar/night-hp.htm>.

Daniels A. Carl Jung: the Madame Blavatsky of psychotherapy // The New Criterion. 2003. Vol. 22. No. 3. November. P. 23 URL: <http://www.newcriterion.com/articles.cfm/Carl-Jung--the-Madame-Blavatsky-of-psychotherapy-1649>.

De Camp L.S., De Camp C.C. Duchy, gwiazdy, czary / Przeł. W. Niepokólczycka. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. 515 s.

Dębicki W.M. Paryski kongres spirytystów w r. 1889. Sekty. Olcott. Helena Bławacka. Krytyka spirytyzmu URL: http://www.ultramontes.pl/wielkie_bankructwo_ii_4.htm.

Klimowicz T. Poszukujący, nawiedzeni, opętani. Z dziejów spirytyzmu i okultyzmu w literaturze rosyjskiej. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1992. 114 s.

Noll R. The Jung Cult. Origins of a Charismatic Movement. Princeton New Jersey: Princeton University Press, 1994. 387 p.

Rzeczycka M. Wtajemniczenie. Ezoteryczna proza rosyjska końca XIX – początku XX wieku. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010. 506 s.

Słownik terminów literackich. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo, 2000. 706 s.
Teorie literatury XX wieku: podręcznik. Kraków: Znak, 2006. 596 s.
Wulff D.M. Psychologia religii / Przeł. P. Jabłoński. Warszawa: WSiP 1999. 640 s.

Сведения об авторе: Сильвия Каминьска-Мацёнг; PhD; Броцлавский университет; ассистент Института славянской филологии; s.kamiskam@gmail.com; сфера научных интересов: русская литература XIX в., фантастика, эзотеризм в литературе, психоанализ.

The author's profile: Silwia Kamińska-Maciąg; PhD; University of Wrocław; Assistant Professor of the Institute of Slavic Studies; s.kamiskam@gmail.com; field of scientific interests: author's research focuses on the interpretation of chosen motifs in the 19th century Russian novels from the psychoanalytical perspective. In her recent works, she interpreted V.F. Odoyevsky and H.P. Blavatsky's fantasy short stories, based on the thesis included in Carl Gustav Jung's publications.